

Надстрочные знаки «силы»
в русской орфографической традиции

Из шести типов надстрочных знаков, возможных в средневековых русских рукописях¹, знаки ударения по распространённости и последовательности употребления занимают одно из первых мест. В задачу статьи и входит последовательное рассмотрение орфографической системы знаков, передающих русское словесное ударение. Исследование проведено по датированным памятникам XIV—XVII вв. (сохранения в названных использованных источниках см. в конце статьи), поскольку такие рукописи позволяют варьирование в измененных орфографической системы².

Материал изложен в следующей последовательности. Статистические сведения о древнерусских и средневековых рукописях сопровождаются краткими справками о правилах употребления сил, извлеченных из средневековых грамматических руковоств. Затем рассмотрена орфографическая практика древнерусских писцов — носителей каждого знака ударения в отдельности (графическая характеристика) и в связи с прочими знаками

¹ Т. е. знаки словесного ударения (*силы*), количества гласных (*еремена*), интонации (*спрасид*), словесного приступа (*дзгиз*), слога (*дедения* (*наерки*), сокращения (*еммолияк*: типа, взмет, покрывте, смлчел).

² Таким образом, под ударением в тексте всегда понимается динамическое ударение, к которому относится и термин *акцентуация*; термин *продолжительный* определяет известную характеристику слова. В примерах из текстов даны некоторые ударения, например, *и* и *и* одинаково обозначаются через *и*; *о* и *о* одинаково передаются буквой *о*, и т. д. Эти орфографические упрощения не существуют для наших целей, так же как и обозначение некоторых надстрочных знаков, не изученных в данной статье (например, знаков придыхания).

сил в границах отдельной рукописи (орфографическая характеристика). В связи с необходимостью затронуть количественные и качественные характеристики подударных гласных в некоторых разделах приводятся и фонетические реконструкции сил (такие фонетические реконструкции всегда особо оговариваются). Все линии исследования соединяются в обобщающей таблице, которая устанавливает пять этапов в развитии знаков ударения на русской почве.

Статистический подсчет датированных рукописей из собраний Ленинграда относительно употребления сил дает следующие результаты.

Таблица 1

Количественное соотношение акцентуационных и неакцентуационных датированных рукописей XV—XVII вв.

Время написания рукописи	Всего датированных рукописей, %					
	1450	1450—1499	1500—1550	1551—1599	1600—1650	1651—1702
Русское ударение	—	5	21	56	101	83
Последовательно акцентуационные Редкие знаки ударения	—	4	20	24	7	8
Нет русского ударения	6	24	47	24	28	40
Неакцентуационные Южнорусская акцентуация	2	22	25	15	4	—
Итого	8	55	113	119	140	131
						169—30
						68—12
						566—100

Как показывают подсчеты, по отдельным большим собраниям (например, Новгородского софийского или Кирилло-Белозерского монастыря), а также и при возрастании числа источников за счет недатированных рукописей того же периода, общее соотношение четырех типов памятников (см. табл. 1) относительно применения сил вряд ли будет колебаться в больших пределах. Приведенные цифры приводят к следующему выводу.

В русской письменности общая линия изменения в характере акцентуационных рукописей такова: число неакцентуационных источников и рукописей со следами южнорусской акцентуации (два последних типа таблицы) с конца XV в. увеличивается за счет рукописей

с непоследовательной (очень редкие знаки ударения, обычно в некоторых словах — тип 2), а эти последние, постепенно увеличиваясь численно, со второй половиной XVI в. уступают место последовательно акцентованным русским рукописям (тип 1). Самое широкое распространение таких рукописей с отражением русской акцентной системы приходится на первую половину XVII в., затем число их постепенно уменьшается за счет неакцентованных, а в начале XVIII в. акцентованные рукописи почти выходят из употребления.

Учитывая наибольшую частотность того или иного типа источников, можно сказать также, что преобладают неакцентованные рукописи (до середины XVI в.) во второй половине XVI в. сменяются преобладанием акцентованных и их полным расцветом в первой половине XVII в. От первой половины XVIII в. до нас дошло также множество недатированных памятников со знаками ударения русского типа. В целом половина всех датированных источников (58%) отражает русское ударение, что достаточно для акцентологического исследования.

До настоящего времени исследовались преимущественно рукописи, отражающие определенно русское ударение (имеется в виду его совпадение с современными русским литературным ударением), а это рукописи, датированные концом XVI в. и более поздние³. Более ранние акцентные системы, отраженные в памятниках до середины XVI в., априори считались «нерусскими» и обычно устранялись из акцентологического исследования⁴. Между тем исследование таких «промежуточных» систем, установление их связи с более поздними русскими или славянскими им южнославянскими акцентовками — настоятельная задача, встающая перед русской исторической акцентологией.

Обозначение сил, судя по средневековым русским грамматикам, подчинялось некоторым правилам, которые суммарно можно изложить следующим образом⁵.

³ См. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Д., 1929.

⁴ См. В. В. Козлов. Об одной древнерусской диалектной системе ударения. — «Вестник ЛГУ», № 8, 1965, вып. 2.

⁵ См. И. В. Ягич. Расхождение южнославянской и русской старинной о первоюславянском языке. Исследования по русскому языку, I. СПб., 1895.

Оксия (*оксь*, *поось*, *острда*)¹ ставилась в начале, середине и конце слов и могла служить для различения отдельных грамматических форм. Например, в отличие от вария: вин. падеж множ. числа на окси — местн. падеж ед. числа на окси; краткое прилагательное муж. рода род. пад. едм — то же прилагательное женского рода едм; повелительная форма глагола нести — 2 лицо ед. числа настоящего времени нести. Однако с дифференциальной точки зрения не место расположения оксии, а именно характер знака служит здесь для различения форм: оксия на среднем, вариа — на конечном слове.

Позиционным вариантом оксии являлась также ее соединение с *льсью*² над начальным гласным: *ддх*, *сттгга*. Этот знак, называвшийся также *иссо*, *исъ*, *исъ*, довольно последовательно употреблялся в акцентованных русских рукописях, выполняя разграничительную функцию.

*Вария*³, как сказано, употреблялась над конечным открытым слогом, который был ударным. Правда, теоретические руководства допускают варию и над конечным закрытым слогом (*дученкиа*), однако практически такое употребление очень редко. Максим Грек специально предостерегал против употребления этого знака в средине слова: так у русских делают только некоторые «грубые» писцы.

Учитывая все это, можно сказать, что в русской традиции вариа — обычно позиционный вариант оксии, который, как и *иссо*, одновременно служит и указателем границы слова. Исключения следует сделать для источников, которые наряду с варией употребляют камору (*оса* — *сао*) или распространяют знак вариа на срединные слоги. Исконное различие между оксией и варией на славянской почве подчеркнуто Константином Костенчуком: в отличие от оксии («ударение идет устали») знак вариа обозначал ударение, которое «идет горлом»; оба эти ударения могли быть на любом слове и отличались друг от друга именно характером произношения. В отличие от оксии и каморы, передававших в древности господствующие тоны, вариа (по тому же свидетельству) обозначала сопутствующий тон.

Это не просто трансформация греческих правил просоды на славянской почве. Сам факт обобщения знака

Вария над конечным открытым слогом, который еще в праславянском языке утратил интонационные различия, весьма характерен. В этом направлении и шла, например, мысль Н. С. Трубецкого: он пришел к выводу, что в древнейших славянских текстах оксия и камора обозначали интонацию ударного гласного, а вариация указывала на ударный слог, лишённый тона.⁴

Третья сила — камора (*периспожи, обмечениа, накрышка*) — употреблялась над односложными словами типа но, во, си, мнѣ и в «супружественных» словах типа гбруу — гбрък — гбръи — гбръи и т. д. (ср. еще покрѣица, скрѣица, оукрѣити и под.). По указанию Константина Юстенского, камора обозначала наиболее «свободное», «сердечное», «просторное» ударение. В русских трактатах упоминание «допускается на двух последних слогах: либо на долгом конечном (гбръ), либо на долгом предконечном (ббурѣтѣ). Поскольку позиционно камора входила в столбование с оксией и варией, можно предполагать, что и в русских рукописях она употреблялась в иных функциональных значениях, чем 'и'. Это тем более верно, что в некоторых руководствах довольно сбивчиво говорится о возможности смешения каморы с другими просодическими знаками, именно с *кейдекой* (двойной варией⁵), которая может заменять камору над односложными словами типа но, бѣ, сѣ, мнѣ, и с долгой —, которая может заменять камору (а также и варию) на долгом конечном слоге (горѣ — гора — гора). Двойная оксия (*скеацѣ, свады*)⁶ обычно рекомендуется для написания над некоторыми гласными (например, над ѣ) и в нашем случае не имеет никакого значения.

Прежде чем перейти к рассмотрению данных самих русских рукописей, необходимо установить статистическое распределение акцентов на разных слогах в слове, т. е. теоретически обосновать возможность и частотность уподобления того или иного знака в русских памятниках.

Статистические подсчеты проведены по списку XVII в. (БАН, 17. 5. 27) «Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь», написанного в 70-е гг. XVI в. На 20 575 слогов приходится 7 033 ударных; средняя

длина фонетического слова, следовательно, равна 2, 92 слогам. Предварительные подсчеты по тексту псалтири дают цифру 3, 06.⁷ По-видимому, трехсложное слово — норма русского языка на протяжении длительного периода.⁸ Оставшая в стороне безударная (2 397) и ударная (1 036) употребленные сил в многосложных словах (различие между открытыми и закрытыми важно только для конечных слогов).

Таблица 2

Употребительность ударения на разных слогах слова

Ударение	на разных слогах слова					Всего
	на первом	на втором	на третьем	на четвертом	на пятом	
Слово в:		откр. закр.	откр. закр.	откр. закр.	откр. закр.	
2 слога	1638	726 354	220 110	18 21	—	2718
3 слога	506	942	342	25	—	1778
4 слога	91	525	306	—	—	997
5 слогов	21	52	64	—	—	404
Итого	2256	2599	978	64	—	5897

Таким образом, на 16 678 слогов приходится 5 897 ударений. Для нас важно, что общее отношение оксии к варию (средний и конечный закрытый слог по отношению к конечному открытому) составляет 4 933 : 964 = 83,7% : 16,3%. Если же учитывать весь текст, т. е. слова с числом слогов более пяти, а также клитики, окажется, что надстрочные знаки, обозначающие ударение конечного открытого слога, встречаются еще реже (около 10% всех употреблений акцентных знаков).

Ниже рассмотрена орфографическая практика древнерусских писцов в обозначении сил.

Точка как знак ударения довольно последовательно отражена только в Пр. 1581 г., ср. расписице, влкжмѣс, кѣзѣкѣ, дѣбѣрѣдѣ, кѣмѣсѣиши, кѣмѣзѣ и мн. др. В Лицевом сборнике 1659 г. (Ярославль) точка стоит только над ѣ, ср. пѣкѣи,

⁴ N. S. Tрубetskoy. Altkirchenslawische Grammatik. Wien, 1934, S. 44.

⁷ См. Е. Г. К а г а р о в. О ритме русской прозаической речи. Доклады АН СССР, 1928, № 3.

Рения единственными знаком ' как правило, сочетается с фонетическим отражением южнославянского ударения. *Вария*. Знак *варии* первоначально не отличался в своем употреблении от оксии. Он употребляется уже в Чул. 1355 г. (но очень редко, в основном на первых листах рукописи), причем не обязательно над конечным гласным, но, как правило, над кратким: ср. жёрѣтъ 23а, с мѹѣмъ 14а. Также в виде исключения *вария* в среднем слове встречается в Леств. 1418 (как же оумѣра 108 — оумѣра въ 108), но уже в начале XV в. появляются собственно русские памятники с частым употреблением знака ' в середине слова. Любопытна географическая приуроченность всех таких рукописей — Леств. 1419 г.: *кѹма* и *взрѣдника*, *пскѹитъ*, *сученикъ*, *вѣнѣкѹ*, на *кѹмѹ*, *прикѹнитѣ*, *оуѣмѹд*, *смѣрѣнидѹ*, *конѣцѹ*, *оуамѣнѹ*, *некѹнѣзѹ*, *сзмиѣтѣдѹ*, *касѣнитѣдѹ*, *скончѣтѣдѹ*, *оумѹмѣнѹ* *вѣкъ* и т. д.; Леств. 1421 г. (Коломна): *ѣмѣдѹ*, *прѹмѹду* и др., главным образом над *ч*, *у*, *ѡ*; Тр. 1589 г. (на Дорогомилове): *мѣрѹ*, *тѣкѹмѹ*, *стѣрѣдѹ*, *жѣнѣкѹ*, *звѣѹ*, *нѣтѹнѣкѹ*, *ѣрѣмѹ*, хотя парадка возможен и знак оксии (ср. *ѣмѣдѹ*, *смѣрѣнидѹ*, *пѣрѣдѹ* и под.); Ев. 1556 г. (Смоленск): *кѹзѹдѹмѣдѹ*, *мѹмѹ*, *дѹрѹтѹ*, *сѹжрѣдѣнидѹ*, *пѣрѣдѹ*, *ѣрѣдѹ*, *ѣрѣдѹ*, *ѣрѣдѹ*, *ѣрѣдѹ*; Пс. 1556 г. (Переславль-Залесский): *дѣкѹ*, *ѣрѣдѹ*, *пѣкѹ*, *сѣдѹ*, *кѹнѣдѹ*, *чѣрѣдѹ*, *тѣкѹмѹ*, *ѣрѣдѹ*, *пѣрѣдѹ*, *пѣкѹ*, *сѣдѹ*, *кѹнѣдѹ*, *чѣрѣдѹ* Евстафий в Кирилло-Белоз. монастыре): *прѣмѹмѣнѣдѹ*, *ѣмѣдѹ*, *жѣнѣкѹ*, *пѹмѣдѹ*, *нѣдѹдѹ*, *звѣѹ*, *сѣдѹ*, *оуѣмѣнѣдѹ* и т. д. В Сб. 1589 г. *вария* в такой функции употребляется очень редко, следовательно, наряду с оксией: *нѣдѹрѣдѹ*, *ѣрѣдѹ*, *тѣкѹмѹ*, *дѹмѣдѹ*, *мѹмѹ*, *мѣтѣжѣдѹ*, *тѣрѣдѹ*, *кѹнѣдѹ*, *пѣрѣдѹ*, *сѣдѹ*, *пѣрѣдѹ* и др., обычно в конечном закрытом слове наряду с последовательным употреблением того же знака в конечном открытом слове: *ѣрѣдѣтѣдѹ*, *ѣрѣдѣдѹ*, *ѣрѣдѣдѹ*, *ѣрѣдѣдѹ* и т. д. Это обстоятельство графически выделяет Сб. 1589 г. из числа других рукописей с *варией* не над конечным гласным открытого слова.

Здесь не учитываются те рукописи, в которых ' над средним гласным при более обычной для этой позиции оксии встречается в единичных случаях, как, например, в вологодской Пс. 1566 г. (*пѹмѣдѣдѹ* 93об, *пѹмѣдѣдѹ* 102,

пѹмѣдѣдѹ 107, *пѹмѣдѣдѹ* ѣи 26б — только в этом глагольном корне, ср. также *пѹмѣдѣдѹ* ѣи 45, 51об, *пѹмѣдѣдѹ* ѣи 51об), в Трф. 1597 г., написанном в Кирилло-Белозерском монастыре, (*ѣрѣдѣдѣдѹ* 495, *ѣрѣдѣдѣдѹ* 339), в Пр. 1597 г., написанном шиллингским попом Козьмою, (*ѣрѣдѣдѣдѹ* 123об, *ѣрѣдѣдѣдѹ* 112, *ѣрѣдѣдѣдѹ* 84об, *ѣрѣдѣдѣдѹ* 86об), в холмогорской Пс. 1623 г. (*нѣдѣдѣдѹ* 13, *рѣдѣдѣдѹ* 29, *пѣрѣдѣдѣдѹ* 40об, *дѣрѣдѣдѣдѹ* 85об, *ѣрѣдѣдѣдѹ* 111, *нѣрѣдѣдѣдѹ* 147об). Все эти памятники с последовательным, «остаточным» отражением когда-то существовавшей особенности являются северными. По-видимому, только на севере *вария* ' на среднем слове с XVII в. и сохранялась как реликт более ранней орфографической традиции, никогда не проявляясь последовательно.

Несколько позже появляются рукописи с последовательным позиционным разграничением знаков ударения: ' над начальным открытым гласным, ' над средним и конечным закрытым гласным, ' над конечным открытым гласным. Такая система отражена в следующих рукописях: Крут 1536 г., Четья 1538 г., Трф. 1570 г., Пр. 1597 г., Служ. 1631 г., Сб. 1636 г., Сб. 1645 г., Мин. 1645 г., Златоуст 1649 г., Служ. 1658 г., Ев. 1678 г., Ап. 1693 г., Син. 1696 г., Книга 1697 г., Слово 1698 г.

Далее. Знак *варии* в некоторых рукописях последовательно заменяется знаком *долгой*, т. е. почти горизонтально лежащей, иногда очень длинной чертой типа —. Долгая в функции *варии* отмечена в следующих памятниках: Ев. 1534 г., Мин. 1544 г., Пс. 1587 г., Грек. 1587 г., Сб. 1598 г., Пс. 1599 г., Мин. 1609 г., Тр. 1611 г., Тр. 1619 г., Ава 1619 г., Ев. 1625 г., Сб. 1629 г., Сб. 1659 г. Очень редко долгая над конечной гласной буквой (особенно йотированной) стоит в Ап. 1545 г., в котором ударение над конечным гласным обычно обозначается знаком *каморы*. Связь в употреблении *каморы* и *долгой* над конечным гласным обнаруживается и в Ев. 1548 г. Сопоставление примеров типа *ѣт* — *ѣт*, *ѣдѹ* — *ѣдѹ* указывает на функциональное равенство этих знаков, тогда как написания типа *ѣдѹдѹ*, *ѣдѹдѹ*, *ѣдѹдѹ*, *ѣдѹдѹ*, *ѣдѹдѹ*, *ѣдѹдѹ* и под. подтверждают, что в Ев. 1548 г. только оксия передает место словесного ударения. В Панд. 1570 г., в Пс. 1623 г. *вария* и *долгая* явно различаются по своей функции: *вария* обозначает место ударения

(на земь, ктѣ, ѿ снѣ, ктѣ), а долгая стоит над гласной буквой в начале слога (мѡд, снѣ, южнѣй, оубсѣкѡд). В Пр. 1581 г. в этом последнем значении выступает не долгая, а короткая. Ср. еще Мин. 1548 г., в которой ударение никак не передается и употребляется только знак долготы (стоит над каждым знаком гласного, который следует за гласным). Так постепенно благодаря введению долгой вариации утрачивается некоторая из своих старых функций (указатель слогоделения или долготы), получая единственное и тем самым функционально выразительное значение: позиционный вариант ударения.

Таким образом, одна оксита во всех позициях как единственный знак ударения возможна только в ранних акцентированных русских рукописях, с начала XVI в. и фактически до конца царствования Ивана Грозного. В неакцентированных памятниках этот знак мог обозначать определенное качество гласного, его напряженность или дифтонгичность (ср. Тр. 1533 г. и Мин. 1534 г.). Следовательно, на начальном этапе интенсивного развития просодических знаков на Руси даже самый распространенный из них и притом явно замаскированный не имел еще четко выраженного акцентологического значения, выполнял эту функцию на условиях синкретизма.

Легко понять, откуда идет этот знак. От времени между 1475—1532 гг. дошли русские рукописи, переписанные с южнославянских оригиналов, в которых обнаруживается сходная ситуация.

Одновременно с этим на протяжении XV в. и значительной части XVI в. (до 1589 г.) в южнорусской зоне распространены рукописи с преимущественным использованием знака вариации в любой позиции. Даже в Сб. 1589 г., где стоит только над конечным (открытым и закрытым) ударным слогом, отражаются особенности южнорусских говоров. Все же остальные памятники с последовательной передачей ударения знаком вариации — московской ориентации, написаны в Коломне, Смоленске, Переяславле-Залесском, на Дорогомилове. Интересен и тот факт, что в автографе протопопа Аввакума (см. Авв.) ударение на любом слове очень часто передается именно вариацией. Видно, такова была московская традиция в передаче словесного ударения, и начальные книжники еще долго ею пользовались. Именно в памятниках «московского» типа функциональный синкретизм вариации

утрачивается раньше всего. Знак вариации здесь — это как бы намеренная и определенная ориентация на знак, который никакого значения, кроме указания места словесного ударения, не имеет. Это самая первая попытка создать собственно русскую систему акцентных знаков. Естественно распространение такой системы именно в южнорусской зоне, где уже в начале XV в. всякие интонационно-количественные различия были утрачены.

Из представленного материала ясно, что в первой половине XVI в. происходит интенсивное замаскирование просодических знаков и выработка правил их использования. На русской почве это наиболее интересный период для изучения языковых и орфографических контактов между восточными и южными славянами, и соответствующие русские памятники дают для этого важный и значительный материал. Большинство акцентовок, представленных такими русскими рукописями, не являются ни южнославянскими, ни русскими — это как бы орфографические гиперимы на почве столкновения южнославянских и русских акцентовок. Необходимо строгое и очень тонкое исследование таких акцентовок в общем русле развития как южнославянского, так и русского ударения.

В этот период, таким образом, только рукописи с последовательным употреблением вариации в качестве единственной силы отражают безусловно русское ударение; рукописи с единственным знаком оксита не передают русского ударения.

С конца 30-х годов XVI в. устанавливается свойственное русским памятникам различение окситов на конечном и вариации на конечном (открытом) слове. Только рукописи с таким позиционным разграничением знаков ударения с этого времени отражают собственно русское ударение. Такое чисто внешнее свойство источника является гарантией, что рукопись и отраженная в ней система ударения — русские. При этом безразлично, собственно вариация или же долгая стоит над конечным открытым слогом. С середины XVI в. долгая на месте вариации в таком значении становится обычным признаком некоторых орфографических школ; особенно этот знак любил в скриптории Кирилло-Белозерского монастыря. Только в некоторых рукописях, написанных на Севере, даже и в XVII в. долгая не всегда обозначает ударение.

ние, также и в тех источниках, которые варию, казалось бы, полностью заменили на долготу. Однако именно в таких рукописях распространены двойные знаки ударения: употребление наряду с долготой над конечным открытым слогом (иногда этимологически ударным) и обычного знака ударения, выраженного оксией, над предыдущим слогом (иногда этимологически безударным)⁸. Такие примеры дают только рукописи, написанные на Севере, и притом лишь с рубежа XVI—XVII в., ср. Пр. 1597 г. (Шиллинский поп Козьма), Служ. 1603 г. (Пезьма), Ав. 1619 г. (Кожеезеро), Пс. 1623 г. (Холмогоры), Златоуст 1649 г. (Чарода). То же касается и недатированных рукописей XVII в. Двойные знаки ударения описанного типа — чисто внешнее указание на то, что долгая в таких рукописях (ее не следует смешивать с варией, которая там также употребляется наряду с долготой) не убывает на место ударения, а отражает характерное для северных говоров «протяжение конечного слога в слове»⁹ — долготу, которая иногда воспринимается как дополнительное ударение.

Поскольку функциональное значение знаков количества (времен) является темой другой статьи, двойные ударения во всех подробностях здесь не рассматриваются.

Проведенный анализ употребления знаков ударения по своим результатам совпадает со статистическими данными таблицы 1: собственно русские акцентовки по-прежнему со второй половины XVI в. и только в XVII в. они становятся единственно возможной нормой. Функциональный анализ знаков только уточняет хронологические границы в развитии отдельных просодических знаков, отмечая их территориальное варьирование и возможную связь с другими просодическими характеристиками слога.

⁸ Этимологически ударными или безударными они называются потому, что в описываемый период такие рукописи совмещением знаков и передают место ударения и позиционною долготу, а не двойное ударение, см. В. В. Колесов. Двойное ударение в средневековых русских памятниках. Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969, стр. 49.

⁹ См. А. М. Седлицев. Диалектологический очерк Сибири. Избранные труды. М., 1988, стр. 372.

Камера. Знак камеры в русских рукописях всегда выступал в качестве просодического, т. е. относился к слогу в целом. В памятниках XI—XII вв. он стоял над слогом, в составе которого находились падающий над слогом и падализированный) согласный: *къмъ, къмъ, (затем и падающему, Лествица XII в. къ немю, манъ и т. д. По-видимому, Лествица XII в. (ГВЛ, собр. Румянцева, № 198) — одна из самых поздних рукописей, где камера в данной функции употреблена очень часто (хотя и наряду с йотацией следующего дьво, лънда, тьмъ, мръ и под., почему и возникло мнение об обозначении знаком млекости согласного. В поздних работах, посвященных этому вопросу, верно говорится, что камера в подобных написаниях заменяет паерок на месте утраченных редуцированных¹⁰. Однако важно, что при отсутствии сонорного kamora в этой функции не употребляется. В территориально близких белорусским псковским и тверским рукописях (и также только до XVI в.) камера употребляется лишь над слогом, в составе которого находится сонорный. В качестве примера можно указать любую рукопись Псковского областного древлехранителя, а также тверскую Кормч. 1517 г. (здесь тьмамъ, млатъа, къ немъ, мс, млекъсучь, мь, късесъ, тьсрацимъ и т. д.).*

В некоторых рукописях функцию камеры определить вообще затруднительно из-за редкости ее употребления. Например, в вологодской Пс. 1566 г. находим только (не считая над клятиками, о чем ниже) стъ гьръ 83, 1220б, гьръ 86, прикажите 900б, пскра гьръ 97. По существу,

¹⁰ См. А. М. Булик и к. а. Развитие архаграфичной системы старобеларуской мовы. Минск, 1970, стар. 165.

функция каморы здесь совпадает с ее значением в псковских и тверских памятниках, потому что собственно акцентологическое значение этого знака в половине примеров сомнительно.

Камора после сонорных встречается также в Панд. 1570 г. (кромѣ 150б, кростости 180б, покрѣма 200б, 21, къ сѣрѣшѣнтъ сѣцѣ 22 и т. д.), в Минее 1609 г. (мрау-мама 81, мрака 81, къ мрѣцѣ 840б, мрѣма 93, о покрѣкѣ 124, сѣрѣвѣма 1230б, сѣрѣвѣма 1930б, 1230б, къ мрѣма 12б, смрѣвѣма 131, мрѣма 198, 213, покрѣску 167, покрѣма 2320б). Любопытно, что во всех случаях камора употреблена здесь только над *р*, следовательно, может отражать какую-то особенность фонемы /р/.

Собственно акцентологическим знаком камора высту-пает уже в Чул. 1355 г. и затем прослеживается во многих русских рукописях вплоть до конца XVI в. Поскольку употребление как знака ударения в этих источниках имеет некоторые различия, следует рассмотреть несколько групп рукописей, использующих камору.

В Чул. 1355 г. камора может стоять над любым гласным и в любой позиции, полностью заменяя более ха-рактерный для этого источника знак оксип. Однако только в самом начале рукописи камора как бы конкурирует с оксипей, затем она почти полностью вытесняется оксипей. По-видимому, писец искал наиболее подходящее средство выражения словесного ударения, выбирая его из налиц-ных графических средств. Ср. в этой рукописи: мѣучица 15б, сомницѣ 16в, книжници 12г, мѣмѣре 13г, можекѣ 21г, стѣдѣри 22в, мѣни 26в, дѣкѣмѣ 15а, къмаи 22г, кѣвѣма 27г, косѣмѣти 29б, кѣрѣши 39г, вѣмѣти 16б, ѳсма 17г, на тор-гоу 11б, припадѣ 18г, къ томѣ 19г, нѣи 20в, еамѣ 21б, маука 23в, дѣвѣка 24б, крѣма 28а и мн. др.

В таких же условиях и стоять же непосредственно, наряду с оксипей, камора отражается в Леств. 1419 г., а в виде орфографических остатков сохраняется еще в Пс. 1587 г. (рукопись с последовательной передачей словесного ударения знаком вариѣ), главным образом в корнях картѣи, камати и в некоторых других, также в Мин. 1645 г. (главным образом над *и* и *ѣ* в середине слова) и т. д.

Только над конечным открытым слогом, но над любым гласным в этой позиции камора употреблена в Леств. 1421 г. (Коломна), в Тр. 1523 г. (Ростов), а затем в неко-торых северных рукописях, искусственно сохраняющих особенности архаического письма (ср. Ав. 1619 г.). Во всех таких источниках камора передает словесное ударение, выступая в качестве факкультативного варианта вариѣ (но не вариѣ и оксипи, как в Чул.) или попросту заменяя вариѣ.

Промежуточное между этими двумя типами рукописей положение занимает новгородский Ап. 1545 г., в котором также нет знаков вариѣ или долгой в значении акцента над конечным гласным, в любом случае их заменяет камора: къ дѣмѣ 135, ѳсма 22, мѣмѣ 240б, мѣма 25, мѣс 310б, оушѣвѣ 400б, не сѣрѣши 52 об, жѣмѣ 720б, стѣ-ноу 2, зѣмѣ 11, гѣма 30б, жѣмѣ 238, жѣмѣ 238, кѣма 1010б, кромѣ 2750б и мн. др. Однако, как и в памятниках первой группы (Чул. и др.), камора обозначает место ударения над любым гласным и в середине слова, ср. рѣчѣма 74, дѣрѣи 680б, вѣзи амѣзи 239, чѣмѣти 219, гѣма 95, чѣма 1450б, асѣмѣж 92 и под. Особенности этой рукописи, переписанной с южнославянского ори-гинала, заключается в том, что в ней интересно пере-секаются по крайней мере две орфографические тради-ции: русская с обозначением среднего /ѣ/ и любого конечного гласного в окситонированных словах (см. ска-занное ниже относительно Ев. 1542 г.) и южнославян-ское с обозначением любого гласного знаком наряду со знаками ' и '' (но не '), ср. постоянное здесь ударение жѣмѣ, жѣма, жѣмѣ и т. д. при возможном жѣма и жѣма и совмещением акцентовак в звательной форме типа жѣмѣ 444. Таким образом, здесь не во всех случаях указывается на ударение русского типа, а в некоторых позициях, очевидно, вовсе не обозначает ударения (в соот-ветствии с планом статьи все другие функции каморы здесь не рассматриваются). Аналогично этому, в Ев. 1548 г. камора над конечным гласным не является знаком ударения, а заменяет долгую, ср. сѣмѣ, рѣмѣ, коуѣ, дѣмѣ, мѣжѣ, сѣмѣ, кѣмѣ, изѣмѣ и др., но и жѣмѣ, сѣмѣ, чѣмѣ, коуѣ.

На любом слогѣ слова, но только над /ѣ/, камора

стоит в следующих датированных рукописях: в Новгородеком Пр. 1532 г., в вологодском Ев. 1534 г., в Круте 1536 г., в Четье 1538 г., в исковском Служ. 1540 г., в Дмитриях другими русскими рукописями, уже упомянутыми в этой статье, увеличивается список источников, отражающих противопоставление фонем /o/ — /o/ и др. в Пр. 1532 г.: кз свѣдѣнъ 1, мѣсто 10б, свѣдѣнъ 10б, свѣдѣнъ 10б, жикѣтъ 6, свѣдѣнъ 90б, жикѣтъ 13, пѣдъ 13, свѣдѣнъ 1010б, свѣдѣнъ 44, свѣдѣнъ 114, свѣдѣнъ 3880б, свѣдѣнъ 192, свѣдѣнъ 181, свѣдѣнъ 2320б, свѣдѣнъ 325, свѣдѣнъ 281, свѣдѣнъ 167 и др. с возможными отклонениями для /o/ из /ъ/ в новозакрытом слоге (свѣдѣнъ 60б, 34, свѣдѣнъ 3460б, свѣдѣнъ 2420б) и др. Это самая ранняя из известных и притом датированная русская рукопись, которая отражает севернорусское различие /o/ — /o/.

Вблизи к ней по времени стоит написанное в одном из вологодских монастырей Ев. 1534 г. Ср. в этой рукописи: свѣдѣнъ 290б, свѣдѣнъ гѣ 73, жикѣтъ 83, свѣдѣнъ 137, свѣдѣнъ 540б, свѣдѣнъ 620б, свѣдѣнъ 64, свѣдѣнъ 650б, свѣдѣнъ и свѣдѣнъ 63, свѣдѣнъ 73, свѣдѣнъ 330б, свѣдѣнъ 35, свѣдѣнъ 200б, свѣдѣнъ 310б, свѣдѣнъ 130б, свѣдѣнъ 90б, свѣдѣнъ 15 0б и мн. др. при странных написаниях: при мѣри 850б, к мѣри 89 (но мѣри 11, мѣри 11, также и другие падежные формы с правильным отражением /o/) и др. гѣдъ 31, кз гѣдъ 3 (если последнее слово не входило в исконный окситонированный тип). Как и в предыдущей рукописи, камора стоит не строго над гласным, а собственно между ним и предыдущим согласным, т. е. как бы продолжает старую традицию употребления знака просодического, который относится к слогу в целом. Из других отклонений от закономерного употребления ъ в перечисленных рукописях следует указать следующие:

11 См. В. В. К о л е с о в. Неопубликованная работа А. А. Шахматова по русской исторической фонетике и акцентологии. — «ВВ», 1964, 5, 108.
12 См. В. В. К о л е с о в. Эволюция фонемы /o/ в русских северо-западных говорах. — «ФН», 1962, 3, 97.

в Четье 1538 г. свѣдѣнъ 190б, на гору 7 (но рядом: гору 7); в Служ. 1540 г. кѣрѣ 93 (как свѣдѣнъ 97), свѣдѣнъ 33, свѣдѣнъ 710б, постоянно кѣрѣ 96, свѣдѣнъ и др. (но в открытом слоге кѣрѣ 99 и под.), свѣдѣнъ 320б, свѣдѣнъ 68; в Служ. 1554 г. свѣдѣнъ 10б, 64, к мѣри 73, к мѣри 86, свѣдѣнъ дв. мѣри 900б — все в положении после сонорного. Вообще в Служ. 1554 г. и на месте исконного /o/ буквы ъ, ъ пишется довольно редко, так что здесь можно видеть смешение открытого /o/ и закрытого /o/, вызванное влиянием оригинала. Добавим, что это — единственная севернорусская рукопись, так или иначе отражающая различие /o/ — /o/.

В остальных рукописях данного списка каких-либо отклонений от ожидаемого употребления ъ (в отличие от о) не обнаружено. Писцы этих рукописей, кроме того, могут употреблять камору над конечным о в форме родит. падежа ед. числа полных прилагательных и местоимений мужского и среднего рода (свѣдѣнъ, товѣ).

Особый интерес представляют рукописи, в которых совмещены различные функции каморы. В Ев. 1542 г. довольно последовательно и верно передаются различия между ъ и о. ср. чкъи 1230б, гѣдѣнъ 126, свѣдѣнъ 130б, свѣдѣнъ 113, свѣдѣнъ 900б, свѣдѣнъ 900б, свѣдѣнъ 102, свѣдѣнъ 990б, свѣдѣнъ 145, свѣдѣнъ кѣри свѣдѣнъ 145, свѣдѣнъ 151, свѣдѣнъ 2, свѣдѣнъ 12, свѣдѣнъ 18 и мн. др. наряду со свѣдѣнъ 190б, свѣдѣнъ 180б, свѣдѣнъ 146, свѣдѣнъ 3, свѣдѣнъ свѣдѣнъ 80б и т. д. (исключения: свѣдѣнъ 70б, 10, 1340б, свѣдѣнъ 800б, 141 и по-прежнему гѣре кам., ср. 103, 104, 1560б, 157, 1700б, 180 и др.). Вместе с тем на конечном открытом слоге независимо от качества гласного ударение также может передаваться каморой, хотя и очень редко: жѣнъ 2090б, 1440б, 162, 79, 1820б, 27, 28, жѣнъ 1080б, 1100б, 1900б, 1930б, свѣдѣнъ 163, к жѣнъ 163, 2170б, свѣдѣнъ жѣнъ 100б, 101 и некоторые другие), о свѣдѣнъ 246, (а) жѣнъ 139, свѣдѣнъ 1880б, свѣдѣнъ 30б.

Судя по лексемам, которые свое наконечное ударение передает знаком каморы, речь идет о сохранении более древнего употребления этого знака над словами с окончанием на конечном ударении (оконтоназа) и, следовательно, о реальном значении этого

знака в тексте. Не содержится ли в этом факте информации о том, что знак $\sim$ переходил на *о* и в конце концов сохранился только на δ / именно благодаря с в я а и н о с т и ударения с новоякутовым слогом, давшим в конечном счете δ / ? Ср. еще Ев. 1575 г., в котором найдены редкие примеры написания типа жедъ 2050б, жембу как и в Ев. 1542 г., положенно, но много исключений во всех типах. Например, здесь δ может обозначать не только δ /, но δ / (вин. мн. бѣды 10, бѣды 1110б, мѣца 40б, род. 560б) и, вместе с тем, камора может стоять не только над конечным, но и над средним ударным гласным любого качества (прекрасна 58, помѣши 580б, в мѣдуху 1810б, тѣсрѣмъ 181). Это все очень редкие примеры, но они имеются и указывают на некоторое смещение языковой перспективы в орфографических навыках писца.

Камора как знак ударения, употребляемая только над заимствованными из других языков словами, только в рукописях, написанных известным писателем Кириллом Безозерского монастыря Гурием Тушиным, ср. в Ев. 1511 г. *Бодомна* 47 и т. д. (также над книжками). Камора в функции придыхания (его, факти, мѡ) отмечена в Пс. в рукописях, списанных Азапким (Кормч. 1590 г., 1599 г. и др.), и в некоторых других рукописях. Все эти функции каморы нас здесь не интересуют. Важно только отметить, что, как и все знаки ударения, камора сначала имела несколько функциональных значений; изменение заключалось в разрушении ее функционального синкретизма.

Каморы как самостоятельного надстроичного знака нет в следующих акцентуованных русских рукописях XV—XVI вв.: Четвь 1490 г., Вологодская Мин. 1494 г. (исключение: причударе 1310б), Жития 1550 г., Треб. 1570 г., Житие 1587 г., Грек 1587 г., Сб. 1589 г., рукописи, написанные Азапким (Кормч. 1590 г., Сб. 1598 г., Пс. 1599 г.), Служ. 1592 г., Обих. 1594 г., Тр. 1596 г., Треф. 1597 г. (исключение: мѣсто 339), Пр. 1597 г., Служ. 1598 г. Каморы также нет во всех датированных рукописях XVII в.

Для уяснения качества $\sim$ в связи с другими надстроичными знаками большее значение имеет Пс. 1556 г., написанная в районе Переславля-Залесского¹³. Об этой рукописи уже шла речь, когда говорилось о знаке $\sim$ как единственном знаке ударения и о разнице в обозначении различных по качеству гласных. Теперь необходимо уточнить эту характеристику, потому что знак $\sim$, связанный здесь с обозначением закрытых гласных [о] и [ѡ], дополнительно различает и две функции каморы: камора без оксиса стоит, как правило, над δ /, а камора с оксисом — над δ /, ср. мѡши, смѡки, дѡбѣд, рѡбѣд, мѡи, дукѡиу, тѡбѡ, дѡбѡѡѡ, бѡкев, рѡкѡи, мѡжете, в бѡи, гѡтѡкъ, инѡбѡру и др., но патѡкъ, мѡци, в пѡстѡхѡ, гѡру, кѡбрѡ, рѡкъ, кѡбѡ, мѡкѡу, гѡды и т. д., но также пѡкъ, рѡтъ, кѡбѡ, мѡца, бѡкъ в новоякутовом слоге. В зависимости от качества гласных все надстроичные знаки не в конечном слоге слова в этой рукописи распределяются следующим образом (таблица 3).

Итак, все знаки могли обозначать ударение, потому что по своему указанию на место словесного ударения все они находятся в дополнительном распределении. Однако каждый знак кроме того несет еще информацию о качестве подударного гласного, именно: $\sim$ обозначает только место ударения (также кенѡма над ѡ); $\sim$ обозначает не только место ударения, но и напряженность в образовании соответствующего подударного гласного (/и, у, ѡ, ѡ/); $\sim$ также обозначает не только место словесного ударения, но и какое-то качество подударного гласного, может быть, его дифтонгичность. Поэтому в обозначении δ / и использованы оба знака: дифтонгичности $\sim$ и напряженности $\sim$.

Ср. с этим данные новгородского Златоуста 1597 г., в котором $\sim$ стоит обычно только над δ / и δ / (буквы *о* и *ѡ*), очень редко (зарегистрировано всего шесть случаев)

¹³ Рукопись написал Иван Федоров сын поведенцем митрополита Феодосия в Никитском монастыре, которых в то время было три: древнейший и самый известный в Переславле-Залесском и два малоназванных и незначительных в Тверской губ. (см. В. В. З в е р и н с к и й. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. III, СПб., 1897, стр. 97). Именно в 1556 г. здесь были открыты мощи Никиты мученика, в связи с чем состоялась поездка в монастырь Ивана Грозного, были сделаны большие вклады и заказано много новых книг.

Памятниках и известная связь этого знака с обозначением словесного ударения в памятниках болгарского происхождения должны были привести к некоторой неустойчивости, неравномерности и неопределенности употребления этого знака в ранних русских текстах. Все такие тексты сгруппированы по типу употребления каморы:

- 1) независимо от позиции в слове и характера гласного (1355 г.);
- 2) над любым конечным гласным (1421 г., 1523 г.);
- 3) над любым /о/, но только над ним (рукописи 1527—1556 гг.).

Такова внутренняя логика в разработке собственно русской функции каморы. Именно ко второй четверти XVI в. эта функция уже окончательно выработалась, хотя до середины XVI в. еще отражаются некоторые промежуточные типы, быть может, представляющие собою смешение говора писца и влияния оригинала, именно: сочетание групп 2)+3) дают тип рукописей (1542 г., 1566 г., 1573 г.), в которых камора стоит над любым конечным гласным под ударением и вместе с тем над /о/ независимо от позиции в слове;

сочетание групп 1)+2)+3) дает новгородская рукопись 1545 г., в которой отражается смешенное употребление каморы всех трех основных типов и обнаруживается некоторое число исключений.

В самом конце XV в. (Четья 1490 г.) появляются источники, вовсе не употребляющие этого знака. Последомора получила свое единственное и вполне определенное значение, не приемлемое для рукописей южнорусского происхождения.

Кендема. В отличие от сербских рукописей, в которых кендема (двойная вариация) с самого начала стала важным просодическим знаком (обозначала долгий слог, главным образом, в случаях стяжения¹⁶), в русской орфографической традиции этот знак по своему употреблению остается периферийным.

В ЧУД. 1355 г. он иногда употребляется над *и*, но это не выходит за пределы более ранних орфографических традиций и не имеет значения в просодическом отношении. Столь же маловажны продолжавшиеся вплоть до XVII в.

¹⁶ См. О. Н. Едилькович. Указ. соч., стр. 107.

обозначения *и* как *й* (в том числе и в значении *и*), ср. Ев. 1511 г. и другие рукописи, написанные Гурием Тупиным, также Тр. 1523 г., Служ. 1540 г., Пр. 1581 г. и т. д. В некоторых рукописях, написанных Тихонцем Федоровым сыном Азапкин в Кирилло-Белозерском монастыре, кендема заменяет *и* краткое¹⁷, т. е. отражает результаты стяжения, ср. Сб. 1598 г.: *ткѡ* 2 об, *имѡ* 3 об, *Михѡсу* 29 об (видом: *Михѡме* 30 об), *мѡдѡ* 36 об, *стѡ* Трѡдѡ 256 об, *пѡ* *кожнѡ* 137 об и др.

Гораздо существеннее употребление кендемы над односложными словами и клитиками, которые условно можно выделить в группы:

1) новодносложные слова с утраченным редуцированным: *гѡдѡ*, *зѡдѡ*, *кѡдѡ*, *мѡдѡ*, *кѡтѡ*, *чѡтѡ*, *зѡсѡ*, *стѡ* и т. д.;

2) союз *и* и указательные местоимения *тѡ*, *тѣ*, *тѣ*, *тѣ*, *се*, *то* и др.;

3) глагольная форма *кѣ* и частица *е*;

4) личные местоимения *мѡ*, *кѡ*, *тѣ*, *тѣ* и т. д.;

5) частицы *мѡ*, *кѡ*, *же* и некоторые другие.

Над первыми четырьмя группами слов исключительно "стоит в ранних рукописях (Леств. 1419 г., Деств. 1421 г., Сл. 1475 г., Четья 1490 г., Тр. 1523 г.), а из более поздних последовательно лишь в новгородском Златоусте 1597 г. Столь же последовательно над *мѡ*, *кѡ*, *же* в этих источниках стоит вариация. В такой дифференциации знаков можно видеть сохранение старого различия между разными (в акцентологическом отношении) типами клитик.

На самом рубеже XVI и XVII вв. исчезают рукописи, в которых кендема употребляется в одном из указанных значений. Этот знак утрачен окончательно и бесповоротно, заменившись либо знаком каморы, либо знаком вариации. Только одна камора во всех пяти группах односложных отмечена в рукописях: Пс. 1587 г., Служ. 1631 г., все рукописи, написанные в Кирилло-Белозерском монастыре Азапким и Исайей Волгемским (Сб. 1598 г., Пс. 1599 г., Тр. 1611 г., Тр. 1619 г. и т. д.). Наоборот, одна только вариация во всех пяти группах односложных использована в рукописях: Служ. 1603 г., Сб. 1629 г., Златоуст 1649 г., Сб. 1659 г., Ев. 1678 г., Ап. 1693 г. и т. д. Это последнее написание и устанавливается в качестве канонического, переходя в старопечатные издания. Связано это, видимо, с общим упрощением графических знаков

и с их унификацией, с принижением в соответствии с русским проношением.

Таким образом, весь XVI в. — это время постепенного устранения кендемы. Процесс устранения этого знака проходил несколько этапов, что по-разному отразилось в русских источниках.

В первой трети XVI в. началось довольно беспорядочное смешение всех трех знаков, возможных на односложных словах, т. е. кендемы, вари и каморы. В Ев. 1511 г., Пр. 1532 г. и Ев. 1534 г. слова первой группы пишутся со всеми тремя знаками, слова второй группы смешивают кендему и камору, слова третьей группы — кендему и варию, а слова четвертой и пятой группы никак не реагируют на начавшееся смешение знаков, по-прежнему обозначаясь кендемой (мд, тд) и варией (мр, жр). Несколькими позже (Ап. 1545 г., Жития 1550 г.) камора окончательно вытесняет кендему в первых двух группах, но три последние группы односложных слов все еще сохраняют только что описанное различие.

Таким образом, исходной точкой изменения являлась все-таки кендема, потому что именно она, не имея своей собственной функции, вступала в чередование со всеми другими, новыми для русских рукописей графическими вариантами. Кроме того, замена кендемы новым универсальным для конечной позиции знаком происходила постепенно, с учетом грамматической важности различий, отраженных в надстрочных знаках.

Наименее важным акцентологически был первый ряд слов, наиболее важным — последний, выступавший в качестве инкритики вплоть до XVII в. (наиболее четко указанные свойства же, м и других клитик этого ряда отражены в Чуд. 1355 г.). Личные местоимения были наиболее показательными (которые в средневековых рукописях довольно часто сохраняют архаический вид типа *ѣ, са, та*) и безударных инкритических форм. Слова *но, во, ед* во всех преобразованных, связанных с заменой надстрочных знаков, занимали промежуточное положение.

Основные направления унификации на протяжении XVI в. кратко можно описать следующим образом.

Столкновение кендемы и каморы в первых четырех группах слов (на названных выше пяти) отражено в следующих типах рукописей: а) Крул 1536 г., Ев. 1542 г.; б) Тр. 1566 г.; в) Ис. 1566 г., Ев. 1573 г., Тр. 1588 г.,

Кормч. 1590 г. При этом в типе а) смешением и охвачены только слова первой и третьей групп, в типе б) — слова первой, второй и третьей групп, в типе в) — слова всех четырех групп. У слов пятой группы вария сохраняется.

Столкновение кендемы и вари и отражено в Дмитриевском Служ. 1554 г., в Смоленском Ев. 1556 г., в Треф. 1597 г. и проходит в той же последовательности, начиная прежде всего с первой группы (кд — кд и т. д.).

Столкновение вари и каморы (которое определяется общим смешением их функций в конечном слове слова: *тд* и *тд*, как *свд* и *свд*) отражено в Кормч. 1517 г., в Ев. 1548 г., в Панд. 1570 г., в Треф. 1570 г., в сочинениях Максима Грека 1587 г., в Сб. 1589 г., в Служ. 1592 г., в Пр. 1597 г., в Мин. 1609 г., в Ав. 1619 г., в Ев. 1625 г., в Мин. 1645 г., в Святцах 1655 г.

Между тремя возможными направлениями унификации имеется важное различие:

1) и — общерусский тип изменения, которое происходило постепенно, все время сохраняя для пятой группы слов;

2) и — также происходило постепенно, но связано только с рукописями южновеликорусского происхождения; 3) и — приводит сразу к смешению всех групп слов, кроме пятой (но и она включилась в процесс унификации, начиная с рукописи 1587 г.), а, кроме того, как правило связано с рукописями северновеликорусского или предположительно северновеликорусского происхождения.

Что же касается расширения этих знаков в конкретных рукописях, то данный вопрос тесно связан с количественными характеристиками текстов и потому рассматривается в связи с классификацией знаков количества («времена»).

На основании проведенного исследования можно предсказать следующую периодизацию акцентованных русских рукописей и отраженных в них изменений (см. таблицу 4). Изменение заимствованных акцентных знаков на русской почве шло от синкретизма каждого знака и множества разных знаков к ограничению числа знаков и к функциональному единству оставшихся знаков. Графические средства и орфографические правила определялись потребностями фонологической системы. Хронологические и территориальные варианты показаны в таблице.

Периодизация изменений просодических знаков в русских памятниках XI—XVII вв.

Период	Характеристика рукописей данного периода и употребление надстрочных знаков					
	Орфографическая и графическая характеристика	Акцентологическая характеристика	Оксия	Вария	Камора	Кендема
I XI—сер. XIV в.	Случайное и неустойчивое обозначение словесного ударения разными способами	Обычно в рукописях, предназначенных для чтения вслух	Нет	Нет	Обозначает палатальность или длительность слога	Над буквами <i>и</i> <i>ы</i>
II сер. XIV— первая чет- верть XVI в.	Займствование и отработка графических средств передачи словесного ударения, связь с количественными и качественными различиями гласных	Преобладание неакцентованных или подражающих южнославянской акцентовке рукописей, русское ударение отражено редко (не словесное, а синтагматическое)	Обозначает место ударения и качество гласного	Обозначает место ударения независимо от позиции в слове	Обозначает место ударения над любым гласным или только конечным (= ')	Употребляется над односложными словами, имеющими лексическое значение
III первая чет- верть XVI в.— конец XVI в.	Отработка графических средств передачи русского словесного ударения с возможными диалектными отклонениями	Резкое увеличение источников с русским ударением, хотя количество редко акцентованных и неакцентованных рукописей еще значительно	Обозначает место ударения не в конечном слоге	Обозначает место ударения в любом слоге или только в конечном	Обозначает постоянно ударный /о/ в северных рукописях или передает дифтонгичность гласного	Различные направления и этапы полного устранения из русской графики
IV рубеж XVI— XVII вв. и весь XVII в.	Максимально упрощенная система (' и ') с последовательной передачей русского словесного ударения	Только к концу периода снова появляются неакцентованные рукописи, а рукописи с южнославянскими акцентами исчезают вовсе	То же, что и раньше	Обозначает место ударения в конечном открытом слоге	То же, что и раньше	Нет
V с начала XVIII в.	Постепенное устранение знаков ударения из числа активных графических средств	Одинаково и в рукописной, и в печатной традиции	Может обозначать ударение	Нет	Нет	Нет

Сокращения в названиях рукописей

- Чуд. 1355 г. — Чудовской Новый Завет, написанный (предположительно) митрополитом Алексием в 1355 г. (Москва). По изданию: Леонтий. «Новый Завет...» М., 1892
- Деств. 1418 г. — Дествия Иоанна Синайского, 1418 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 34/159, 371 дд. (болгарская)
- Деств. 1419 г. — Дествия Иоанна Синайского, 1419 г., ГПБ, п. I, 17 (с сербского оригинала)
- Деств. 1421 г. — Дествия Иоанна Синайского, 1421 г., ГПБ, Погод. 73 (Коломна)
- Ст. 1475 г. — XVI слов Григория Богослова, 1475 г., ГПБ, Ф. I, 890
- Мин. 1475 г. — Служебная миня 1475 г., ГПБ, Соф. 337 (сербская)
- Четья 1490 г. — Четья-Миня 1490 г., ГПБ, Соф. 1385
- Мин. 1494 г. — Служебная миня 1494 г., ГПБ, Соловецк. 518/537 (Вологда)
- Пе. 1507 г. — Псалтырь 1507 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 1/258 (Москва)
- Ев. 1511 г. — Евангелие 1511 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 31/36
- Кормч. 1517 г. — Кормчая 1517 г., ГПБ, Ф. II, 74 (Тверь)
- Ев. 1522 г. — Евангелие 1522 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 33/38 (болгарское)
- Тр. 1523 г. — Триодь 1523 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 435/692 (Ростов)
- Книга 1527 г. — Книга келейного и путевого правила 1527 г., ГПБ, Ф. I, 147 (переписана с южнославянского оригинала)
- Ев. 1532 г. — Евангелие 1532 г., Егдздаровского псковского монастыря, Псковское областное древлехранительное, № 103
- Пр. 1532 г. — Пролог 1532 г., ГПБ, Соф. 1327 (Новгород)
- Тр. 1533 г. — Триодь 1533 г., ГПБ, Соф. 91 (по заказу И. А. Кропоткина)
- Ев. 1534 г. — Евангелие 1534 г., ГПБ, Соф. 11 (Вологда)
- Мин. 1534 г. — Служебная миня 1534 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 379/631
- Круг 1536 г. — Круг митрополитский 1536 г., ГПБ, Ф. I, 471
- Четья 1538 г. — Четья-Миня 1538 г., ГПБ, Соф. 1323 (Новгород)
- Служ. 1540 г. — Служебник 1540 г., ГПБ, Соф. 943 (писец Федор Псковитинин)
- Ев. 1542 г. — Евангелие 1542 г., ГПБ, Погод. 119
- Мин. 1544 г. — Служебная миня 1544 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 331/588
- Дл. 1545 г. — Длинной апостол 1545 г., ГПБ, Соф. 45 (Новгород, со среднеболгарского оригинала)
- Ев. 1548 г. — Евангелие 1548 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 11/136 (Никольский монастырь на Коложском озере)
- Жития 1550 г. — Жития Зосимы и Савватия соловецких 1550 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 35/1274 (Соловки)
- Служ. 1554 г. — Служебник 1554 г., ГПБ, Соф. 757 (Дмитров)
- Ев. 1556 г. — Евангелие 1556 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 34/39 (Смоленск)
- Пе. 1556 г. — Псалтырь 1556 г., ГПБ, Погод. 94 (Переславль-Залеский)
- Служ. 1560 г. — Служебник 1560 г., ГПБ, Соф. 758 («писец Васка Толмачин писал в Карлтополье»)
- Треб. 1566 г. — Требник 1566 г., ГПБ, Соловецк. 1090/1193 (Соловки)
- Пе. 1566 г. — Псалтырь 1566 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 60/317 (Вологда)

- Мин. 1569 г. — Минев 1569 г., ГПБ, Соловецк. 631/533 (Александров)
- Панд. 1570 г. — Пандекты Никова Черногора 1570 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 28/1105
- Треб. 1570 г. — Требник 1570 г., БАН, Архангельск. 933, Сяток. 6
- Ев. 1573 г. — Евангелие 1573 г., ГПБ, Соловецк. 58/136 (шпец Феогист Москвитин в Соловках)
- Пр. 1581 г. — Пролог 1581 г., ГПБ, Ф. 1. 910
- Житие 1587 г. — Житие Андрея Юродивого 1587 г., БАН, 33. 5, 9
- Пе. 1587 г. — Псалтырь 1587 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 78/335
- Грек 1587 г. — Слово и сказания Максима Грека 1587 г., БАН, Архангельск. Д. 42 (написана в Печерском монастыре для пустыни в Пшехонье)
- Сб. 1589 г. — «Корнильевский» сборник 1589 г., ГПБ, Соф. 439 (Корнильевский монастырь)
- Тр. 1589 г. — Триодь 1589 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 419/676 (писана вна Дорогомилговъ)
- Кормч. 1590 г. — Кормчая 1590 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 1/1078 (шпец Азатский в Киприло-Белозерском монастыре)
- Служ. 1592 г. — Служебник 1592 г., ГПБ, Соф. 1026 (Старая Русса)
- Об. 1594 г. — Обиходник Троице-Сергиева монастыря 1594 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 735/932
- Тр. 1596 г. — Триодь 1596 г., ГПБ, Соф. 108 (шпец Гришка Белозерен)
- Треб. 1597 г. — Трефологий 1597 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 448/705 (шпец Семейка Белозерен)
- Златоуст 1597 г. — Златоуст 1597 г., ГПБ, Соф. 1266 (Новгород)
- Пр. 1597 г. — Пролог 1597 г., ИРЛИ, Пер. 80 (шпец шилдигский поп Козьма)
- Служ. 1598 г. — Служебник 1598 г., ГПБ, Соф. 957 (Хулянский монастырь)
- Сб. 1598 г. — Сборник 1598 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 497/754 (шпец Азатский)
- Пе. 1599 г. — Псалтырь 1599 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 56/313 (шпец Азатский)
- Служ. 1603 г. — Служебник 1603 г., ГПБ, Соф. 1020 (Шежма)
- Мин. 1609 г. — Служебная минев 1609 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 393/650
- Тр. 1611 г. — Триодь 1611 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 441/698 (шпец Исая Волнежский в Киприло-Белозерском монастыре)
- Тр. 1619 г. — Триодь 1619 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 434/691 (шпец тот же)
- Ав. 1619 г. — Сочинения авы Дороефа 1619 г., ИРЛИ, Пер. 31 (Кожезеро)
- Пе. 1623 г. — Псалтырь 1623 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 113/370 (Холмогоры)
- Ев. 1625 г. — Евангелие 1625 г., ГПБ, Соловецк. 74/146 (Соловки)
- Сб. 1629 г. — Лицевой сборник 1629 г., ГПБ, ОЛДЦ, Q. 17 (Салара)
- Служ. 1631 г. — Служебник 1631 г., ГПБ, Соф. 900 (шпец воискре-санский поп Стефан Самсонов)
- Сб. 1636 г. — Сборник 1636 г., ГПБ, Q. XVII, 118 (Новгород)
- Сб. 1645 г. — Сборник 1645 г., ГПБ, Q. II, 102 (Серпухов)
- Мин. 1645 г. — Служебная минев 1645 г., ГПБ, Соловецк. 499/518 (шпец Родношце Казаев)

- Златоуст 1649 г. — Златоуст 1649 г., БАН, 31.6.31 (Осв. 866) (Чаронда)
- Святца 1655 г. — Святца до 1655 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 503/760
- Служ. 1658 г. — Служебник 1658 г., ГПБ, Соф. 919 (Пугож)
- Сб. 1659 г. — Лицевой сборник 1659 г., ГПБ, ОЛДЦ, Ф. 406 (Ярославль)
- Служ. 1676 г. — Служебник 1676 г., ГПБ, Соф. 903 (Олонек)
- Ев. 1678 г. — Евангелие 1678 г., ГПБ, ОЛДЦ, 0-242 (Астрахань)
- Ав. — Житие протопопа Аввакума (автограф), 70-е гл. XVIII в., БАН, сообр. Дружнина 746
- Ап. 1693 г. — Апостол 1693 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 119/124 (шпец Герасим Новгородец в Киприло-Белозерском монастыре)
- Сив. 1696 г. — Синодик домовою церкви боярина А. А. Матвеева 1696 г., ГПБ, Q. 1. 870
- Тетради 1696 г. — «Тетради» старца Авраамия (автограф), 1696 г., ИРЛИ, Пер. 139
- Книга 1697 г. — Вкладная книга с описанием городов Сибирь 1697 г., ГПБ, Ф. IV, 76.
- Ст. 1698 г. — Слово в день пятидесятый, 1698 г., ГПБ, Q. 1. 215